

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)я44
Л44

Серия «Эксклюзивная классика»

Stanisław Lem
POLOWANIE (collection of short stories)

Перевод с польского

Серийное оформление и компьютерный дизайн *E. Ферез*

Художник *B. Половцев*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

Л44 Охота : [сборник] / Станислав Лем ; [перевод с польского]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-121239-1

В этом сборнике Станислав Лем, виртуоз нестандартных сюжетов и парадоксальных ситуаций, ставит перед читателем проблемы существования Человека и Иного разума. Рассказ «Охота», недавно обнаруженный в рукописях Лема, печатается на русском языке впервые..

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)я44

© Stanislaw Lem, 1958, 1959, 1964, 1965, 1972, 2019
© Перевод. В. Борисов, 2020
© Перевод. В. Язневич, 2020
© Перевод. С. Легеза, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Вторжение

1

Перестали целоваться. Янек Хайн шел напрямик по лугу и подходил все ближе. Временами он утопал в траве до коротких кожаных штанишек, на которых были вышиты шестизарядные револьверы, по одному на кармане с каждой стороны. Тонким прутиком он аккуратно сшибал головки осота. Ждали, пока он пройдет. Он миновал их, оставляя за собой полоску светлых пушинок, которые ветерок пронес над их головами. С десяток пушинок запуталось в листве куста крыжовника, служащего им укрытием. Парень прижался щекой к обнаженному плечу девушки, чуть коснулся губами того места, где отражением снежинки виднелся след от прививки, и заглянул в ее ореховые глаза. Она легко оттолкнула его, глядя на луг. Янек остановился, потому что куст осота, который он достал самым концом ветки, лишь уклонился от удара. Ветка свистнула резче, осот фыркнул белым облачком, и Янек пошел дальше, становился все меньше, на спине у него покачивалась торчащая из мешочка бутылка из-под сливок.

Inwazja, 1958. © Перевод. В. Борисова

Девушка опустилась на траву, прямо над ее черными волосами покачивалась крепкая кисть крыжовника с просвечивающими ягодами, покрытыми пушком. Он попытался повернуть ее на спину, нетерпеливо поцеловал загорелую шею, она прятала лицо на его груди, беззвучно смеялась, вдруг подняла голову, разгоряченная, дохнула ему прямо в губы, обняла за шею, схватила за коротко стриженные волосы. Они целовались, втиснутые в неглубокое, похожее на незаконченную могилу углубление, возможно, от старого стрелкового окопа. Прежде чем стать деревенским пастищем, здесь располагался полигон. Лемехи плугов скрежетали иногда на втоптанных в землю позеленевших гильзах.

Мушки, такие маленькие, что видны были лишь в солнечных лучах, кружились над кустом тонким пломажем. Казалось, единственной их целью было создать двигающееся, прозрачное изваяние в воздухе, они не издавали никакого жужжания, были такими мелкими, что не чувствовалось, когда они садились на руки. Невидимый косарь снова точил свое орудие, мерные звуки плыли неведомо откуда. Девушке не хватало воздуха, она оттолкнула его, голова ее откинулась назад, она закрыла ослепленные солнцем глаза, показала зубы, но при этом не смеялась. Он поцеловал ее в закрытые веки, чувствовал на губах дрожание ее жестких, длинных ресниц. На верху что-то засвистело. Она оторвалась от него, ее веки задрожали, он увидел страх в расширяющихся зрачках.

— Это лишь самол... — начал он.

Свист перешел в вой. Что-то коснулось его волос. Темнота. Клен в пятнадцати шагах от их ног взлетел в воздух, крутанул курчавой кроной в обла-

ках, расколотый ствол взорвался облаком пара, ветви падали вокруг на траву, но все это не было слышно из-за грохота, расходящегося вокруг все дальше и дальше, пока не прекратилось мерное позвякивание затачиваемой косы.

Янек Хайн, не дойдя шагов шестьсот до деревьев рядом с шоссе, обернулся вдруг побелевшим лицом, увидел облако дыма и пара, разделившееся на верху на две части. Горячий воздух с кислым, острым запахом настиг его, ударил прежде, чем он смог крикнуть и закрыть лицо ручками (в правой он по-прежнему держал ветку). Ему показалось, что у основания громоздкого комковатого облака, застывшего как на моментальном снимке, над почерневшей вдруг землей, там, где прежде была трава, вздымается что-то блестящее, словно огромный мыльный пузырь. Больше он ничего не увидел, рухнул в траву, раздвинутую перед ним громовым раскатом, твердая стена горячего воздуха была уже далеко, она дошла до шоссе, высокие тополя трещали один за другим, переламываемые посередке, как спички, устояли лишь самые дальние, там, где почти на самом горизонте блестела крытая медью башенка Дома туриста.

Косарь работал на противоположном краю пастбища, посреди длинного склона, который спускался к почти пересохшему ручью. Ему не было видно, что происходит за холмом, но он услышал протяжный свист и грохот, а затем увидел поднимающийся над холмом столб дыма. Он подумал, что упала бомба, хотел бежать к воде, укрыться там, но не успел повернуться, как пришла взрывная волна, усиленная ветром, она прошла над ним, у него замелькало в глазах, потом начали сыпаться листья и мелкие комья земли. Он бросил косу и бруск, сделал было

пару шагов к поднимающемуся столбу дыма, но тут же повернулся и, втянув голову в плечи, побежал вдоль русла ручья к шоссе.

Какое-то время стояла полная тишина. Усиливающийся ветер разогнал столб дыма, его шишковидная, клубящаяся верхушка, все больше расплывающаяся при наборе высоты, присоединилась к облакам, размеренно плывущим к югу, и исчезла за горизонтом. Шел первый час, когда на шоссе появились две медленно едущие машины. Они подъехали к месту, где поваленные деревья забаррикадировали дорогу, и остановились.

Кроме пары десятков солдат и офицера, там было трое гражданских лиц. Сначала они попытались убрать с дороги упавший тополь, но офицер понял, что это займет много времени, и отозвал своих людей, а сам из первого, открытого автомобиля стал рассматривать пастбище в бинокль. Это был очень большой бинокль с сильным приближением, и офицеру пришлось опереться локтем на закрытую дверцу, чтобы не дрожала рука.

По траве под ветром пробегали волны тонких искорок. Офицер крепко прижался к окулярам бинокля, водя им по всему холмистому пространству. Примерно в семистах метрах от автомобиля на противоположном склоне холма раньше стояла группа деревьев, остаток старого, давно вырубленного сада, окруженный карликовыми кустами одичавшего крыжовника и смородины. Сейчас это было бесформенное серое пятно, окаймленное пожухшей травой, цвет которой постепенно менялся и сливался с сочной зеленью луга.

Вереница кустов, растущих вдоль старой границы сада, обрывалась неподалеку от пятна, превраща-

ясь в неясные, поблекшие лохмотья, дрожащие под сильными порывами ветра, а в самом центре разрушения, над которым мягко пульсировало полуупрозрачное молочное облачко, словно вырывающийся пар из щелястого локомотива, выделялось что-то блестящее, ясно-голубое как небо. От этой выпуклости шли короткие, такие же блестящие ответвления, утопающие в черной как уголь земле, осевшей, воронкообразной формы, которую с одной стороны подпирали остатки вывернутого, обгоревшего пня.

Офицер думал, что увидел уже все, когда заметил бледно-серое, плоское утолщение между разлохмачившимися кустами. Он покрутил окуляры бинокля, но картина расплылась, и больше он ничего не увидел.

- Оно упало там.
- Наверное, спутник.
- Смотрите, как блестит, — он стальной...
- Нет, это не похоже на металл.
- Вот свалился! Наверное, горячий?
- Еще бы!
- А почему он так дымится?
- Это не дым, это пар. Видимо, внутри у него вода.

Офицер слышал всю эту болтовню за спиной, но не подавал виду, что обратил на это внимание. Он спрятал бинокль в футляр и застегнул его.

— Сержант, — обратился он к старшему из солдат, который немедленно вытянулся, преданно глядя ему в глаза, — возьмите своих парней и окружите это место в радиусе — э-э-э — двести метров. Никого не пускать, гнать зевак прочь. Чтобы никто туда не про ник! Вы должны занять посты, и более вас ничто не заботит. Все понятно?

— Так точно, господин капитан!

— Хорошо. А вам, господа, здесь делать нечего. Возвращайтесь в город.

Раздалось протестующее ворчание, группка гражданских собралась у второй машины вместе с водителями, но никто не решился возражать по-настоящему. Когда солдаты перешли через канаву и растянутой цепочкой направились напрямик к холмам, капитан закурил сигарету и под сломанным тополем ждал, пока оба автомобиля развернутся. За это время он успел еще что-то написать на листке из блокнота и дал это водителю.

— Зайдешь на почту и отправишь это телеграммой, сразу же. Уяснил?

Гражданские медленно усаживались в машины, глядя в сторону цепочки солдат, фланги которой уже скрылись в первой ямке травянистого простора, а центр медленно приближался полукругом к полосе бледной зелени.

Двигатели заворчали, и автомобили, сначала один, затем другой, направились в сторону городка.

Офицер некоторое время стоял под деревом, потом зашел в неглубокую канаву, сел на ее краю и снова начал разглядывать в бинокль пятно на склоне холма, подпиравшее локоть кулаком другой руки.

В третьем часу, когда на дне канавы перед капитаном уже собралось множество окурков, а мелкие фигурки солдат, стоявших по колено в траве, все чаще переступали с места на место, как будто уставшие люди с трудом сдерживали желание присесть, с запада раздалось интенсивное урчание.

Офицер немедленно встал. С минуту он напряженно наблюдал за тем, что творится в небе, чтобы высмотреть пузатого комара, а за ним второго и треть-

его. Они росли не слишком быстро, но уже через минуту треугольник вертолетов проплыл, треща, над шоссе и начал описывать над полянами неправильные круги.

Интервал между машинами в воздухе нарушился — одна зависла над черным пятном, две оставшиеся держались в стороне, почти неподвижно, только ветер незначительно подталкивал их в бок. Офицер выбежал из-за деревьев на луг, большими шагами преодолевая сопротивление травы, затем остановился и начал размахивать руками, словно желая склонить вертолеты к приземлению. Казалось, они не обращают на это внимания, даже когда в его руке затрепетал белый платок. Офицер еще помахал им с минуту, потом опустил руки и стоял неподвижно, после чего медленно двинулся по направлению к пятну, над которым — в каких-то ста метрах над землей, — тяжело перемалывая воздух, все еще висел вертолет с толстым брюхом и длинным трубчатым хвостом, а на нем блестел диск второго винта. Стекловидная точка в центре пятна по-прежнему выделяла мелкие облачка пара, развеивающиеся под вертолетом, который чрезвычайно медленно снижался, словно его опускали на невидимом тросе. Вдруг двигатели всех трех машин затрещали громче, сформировался треугольник, офицер, удивленный, остановился, широко расставив ноги и задрав голову, думая, что они улетают, но в ту же минуту винты прекратили свою работу, машины спланировали и одна за другой приземлились на вершине ближайшего холма.

Офицер развернулся и направился к ним, но ему нужно было пройти около пятисот шагов, и в это же время из двух машин люди в серо-голубых комбине-

зонах уже выгружали целую груду продолговатых предметов, укрытых брезентом, жестяные канистры, несколько высоких, узких ящиков, обернутых парашютным шелком, тесно увязанные в пачки штативы, треножники, большие кожаные футляры, все это происходило под наблюдением трех мужчин, высадившихся из последнего вертолета. Около этой машины стояло и еще два человека, один в плаще, другой в летном комбинезоне, распахнутом до пояса так, что был виден белый укороченный мех подшивки. Оба разговаривали с сержантом, успевшим добежать к месту посадки раньше офицера.

Капитан шел к ним медленно, поскольку склон, который ему предстояло преодолеть, отличался достаточной крутизной. Он был зол, что сержант самовольно покинул пост, но внешне оставался спокоен. Пилот посмотрел в его сторону и сказал:

— Это вы капитан Тоффе? Это было ваше сообщение?

— Сержант, скажите парням, чтобы пропустили — э-э — экспедицию, — сказал капитан, словно не услышав того, что говорил пилот. Тот повернулся к нему спиной и под задранным кверху фюзеляжем вертолета разговаривал со вторым пилотом, который пил кофе из термоса. Через мгновение к ним присоединился и третий пилот.

— Вы будете ждать тут? — рискнул спросить капитан, с некоторой задержкой подходя к пилотам, которые вдруг громко рассмеялись над тем, что сказал самый низкий из них, толстяк в распахнутом комбинезоне, подбитом искусственным мехом. Никто ему не ответил, но в эту минуту мужчина в плаще, весьма пожилой, опирающийся на тонкую трость

с серебряным набалдашником — капитан никогда не видел подобной вещицы, — сказал:

— Вы можете сказать, что здесь произошло?
Я профессор Виннель.

Капитан повернулся к нему и начал с воодушевлением, не забывая вдаваться в детали, рассказывать, как в полдень в городке услышали грохот, похожий на гром, хотя небо было безоблачным, как на горизонте появилось облако дыма, как в полицию прибежал запыхавшийся косарь, но участок был закрыт, потому что все полицейские уехали в Дертекс, где состоялось торжественное открытие мемориальной доски, установленной на месте взрыва бомбы, убившей во время войны трех добровольцев из охраны побережья, как он сам, капитан Тоффе, немедленно организовал и принял руководство походом к месту происшествия, как на выходе из городка встретили прихрамывающего и плачущего Янека, сына Хайннов...

— Вы подходили близко к этому месту? — Профессор показал тростью на склон противоположного холма, над которым беззвучно поднимались освещенные солнцем ярко-белые облачка.

— Нет. Я приказал расставить посты и отправил телеграмму...

— Весьма благоразумно. Благодарю вас. Майрелл! — повысил он голос, обращаясь к одному из людей, помогающих выгружать вещи из вертолета. — Что там?

Он уже не смотрел на капитана. Тоффе обернулся и взглянул туда, где сутились пилоты — они что-то делали с горизонтальным винтом последнего вертолета. Он посмотрел на группу людей, занимаю-

шихся выгрузкой. Там все изменилось. На штативах темнели аппараты: один с длинными трубами, похожий на огромный бинокль, в другом он опознал теодолит; были там и другие приспособления; два человека усердно утаптывали траву и вбивали в землю колья треногих штативов, один, стоя на коленях, копался в разложенных и раскрытых аппаратах, соединенных проброшенными в траве кабелями, его товарищи поспешно работали над сборкой чего-то вроде примитивного крана.

— Солдат говорил о спутнике, господин профессор. Разумеется, это чушь. Теперь, даже когда черепица падает с крыши, все разглагольствуют о спутниках.

— Активность? — спросил Виннель. Не глядя на Маурелла, который скручивал пальцами концы проводов, он колдовал над своей тростью. Профессор открутил набалдашник, оттуда выскоцил как бы маленький, немедленно открывшийся зонтик, но это было сложенное нейлоновое сиденье, на которое он и присел, расставив ноги, и стал смотреть в большой бинокль.

— Нет, ничего, — ответил Маурелл, выплевывая кусочек отгрызенной изоляции.

— Следы?

— Нет, все в норме. Холостая пульсация, пару недель тому здесь мог выпасть дождь с остаточным содержанием стронция, после того последнего взрыва, но уже все смыто — счетчик почти не реагирует.

— А эти облачка? — вопросил профессор, цедя слова, как человек, говорящий при отвлеченному внимании. Трость, на которую он опирался все сильнее, постепенно уходила в землю. Он резко отодвинул лицо от окуляров.

— Там какие-то тела, — сказал он тоном ниже.

— Да, я видел.

— Профессор, это не может быть какой-нибудь хондрит? — спросил третий мужчина. Он подошел к ним, держа в руках металлический цилиндр, от которого уходил кабель в кожаную сумку, висевшую у него на плечах.

— Вы никогда хондриита не видели, — резко ответил Виннель. — Это вообще не метеор.

— Ну так что, идем? — спросил Маурелл. С минуту все стояли в нерешительности. Виннель сложил свою трость и начал медленно спускаться по склону, внимательно смотря, куда ставит ноги. Вчетвером с профессором они перешли мелкую ложбину, миновали двух постовых — солдаты неподвижно глазели на них — и вступили на сыпкую, выгоревшую, неприятно рассыпающуюся под ногами траву.

Капитан минутку постоял, затем вдруг двинулся вслед за ними.

Маурелл первым вошел в просвет между обожженными кустами, наклонился, что-то поднял с земли, посмотрел перед собой и медленно двинулся в направлении темного утолщения, туда, где обуглившийся столбик пня склонялся в его сторону. Остальные подходили к нему, останавливались, у них медленно опускались руки, они темной группкой застыли напротив воронки.

Из воронки — чуть ниже того места, где они стояли, — выдавался грушевидный объект высотой в два человеческих роста с идеально гладкой, словно отполированной поверхностью, сверху, куда не доставал взгляд, из него вырывались маленькие незаметные облачка, точнее, очень узкие колечки светлого пара, которые тут же утрачивали свою форму

и расплывались, а на их месте появлялись новые, и все это происходило совершенно беззвучно.

Но никто из стоящих не смотрел вверх.

Стекловидная груша, суживающаяся и легонько клонящаяся набок, была прозрачной. Так казалось в первую минуту. Часть света, отраженная чрезвычайно гладкой поверхностью, собиралась в зеркальный образ неба, облаков и группки людей, маленьких, уменьшенных до размеров пальца. Но часть солнечного блеска, греющего им плечи и шеи, проникала вглубь, и там было видно как бы утопленную в стекле, все более мутневшем и к середине становящемся молочным, местами отсвечивающем темным перламутром, продолговатую фигуру величиной с человека. С одной стороны она заканчивалась двумя вытянутыми склеенными шарами, а с другой была расщеплена дважды — там были как бы четыре ноги, две подлиннее и две покороче, — и все это упиралось в нечто вроде живой изгороди, также утопленной в стекло, — виден был лишь ее фрагмент, с обоих концов развеивающийся в замутнениях и лишь посередине отчетливый, словно высеченный из белого коралла. Чем дольше стоящие смотрели в глубь груши, размеренно выделяющей клочки пара, тем отчетливее, казалось, в ее внутренности молочная группа форм отделялась от окружающей ее прозрачной массы, а жидккая мгла, окутывающая контуры, прилегала к ним все плотнее, хотя происходило это слишком медленно, так что никто не мог заметить ни одного отдельного движения. Они смотрели долго, так долго, что до них стали доноситься приглушенные расстоянием крики людей, которые остались на противоположном склоне, у вертолетов, но и тогда никто даже не пошевельнулся, потому что формирование

того, что находилось в груше, продолжалось, и каждому казалось, что через минуту-другую он увидит все происходящее в мельчайших подробностях.

Маурелл первым освободился от наваждения. Вскрикнув, он закрыл глаза рукой и так простоял минуту.

— Там кто-то есть, — услышал он за спиной.

— Подождите, — сказал профессор.

— Что все это значит? — спросил капитан, который пришел последним, но остановился ближе всех, на самом земляном валу, окружающем прозрачное создание. И прежде чем кто-либо смог его остановить, он сделал три шага вниз по внутреннему склону воронки. Импульсивно вытянув руку, он коснулся хрустально блестящей поверхности.

И тут же упал на нее лицом, вполовину согнутый, как кукла, сполз по овальной поверхности, ударился головой о холмик выброшенной земли и замер так, вклинившись телом между основанием груши и большой стекловидной ветвью, выходившей из нее и упирающейся в грунт.

Все вскрикнули. Маурелл схватил за плечо и удержал товарища, который хотел спрыгнуть к капитану. Они попятались, соприкасаясь плечами. Остановились.

— Нельзя это так оставить! — крикнул третий мужчина, бледнея. Он вытащил из сумки кабель, бросил его на землю, стал делать петлю.

— Что ты делаешь?! — крикнул Маурелл. — Гетсер, стой!

— Пусти меня!

— Не ходи туда!

Гетсер перескочил через вал, окружающий воронку, остановился в трех шагах от груши и бросил